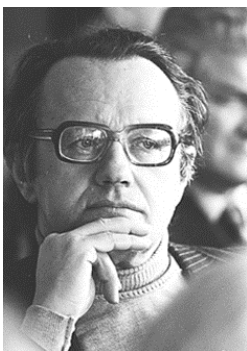

Блокадная книга

«Блокадная книга» (1977—1981) — документальная хроника блокады Ленинграда; написана в соавторстве Даниила Гранина с Алесем Адамовичем.

Гранин с Алесем Адамовичем.

Даниил Гранин вспоминал: «Когда ко мне в семьдесят четвертом году приехал Алесь Адамович и предложил писать книгу о блокаде, записывать рассказы блокадников - я отказался. Считал, что про блокаду все известно. Он долго меня уговаривал. Несколько дней шли эти переговоры. Наконец, поскольку у нас были давние, дружеские отношения, он уговорил хотя бы поехать послушать рассказ его знакомой блокадницы. Так мы начали вместе работать».

Они ходили из дома в дом, из квартиры в квартиру, выслушивали, записывали на магнитофон рассказы. Сперва ходили вместе, потом разделились, чтобы охватить больше людей. Оказалось, у каждого есть свой рассказ. У каждого оказалась своя трагедия, своя драма, своя история, свои смерти. Это были разрывающие душу рассказы. «Алесь даже заболел, и я тоже», — вспоминал потом Гранин. «Представляете себе: попал снаряд в квартиру, осколком убило девочку. У матери не было сил похоронить ее. Зима, она положила ее между окнами и жила с ней до весны, до лета, чтобы потом похоронить.

Как человек мог в этих условиях жить и не расчеловечиться?!».

Они собрали двести рассказов, примерно четыре тысячи страниц. Потом возник вопрос: Что же это будет за книга? «Мы решили, что эта книга, во-первых, - об интеллигенции и об интеллигентности. Мы хотели показать, как люди, которые были воспитаны этой культурой, смогли остаться людьми, выстояв. Второе, что мы хотели, - показать пределы человека. Мы сами не представляли себе возможностей человека. Человека, который не просто отстаивает свою жизнь, люди эти чувствовали себя участком фронта».

Первая часть «Блокадной книги» — запись бесед. Во второй — три дневника: историка Георгия Князева, Лидии Охупкиной, спасающей своих детей, и школьника (ему исполнилось шестнадцать в начале блокады) Юры Рябинкина. Во время блокады дневники вели многие. Адамовичу и Гранину эти дневники присылали и приносили. Из всех они отобрали три наиболее их поразивших. Ни одного слова в них не изменено, не вписано.

«Откровенно говоря, мы многого не знали, не знали, какие жестокие вещи стоят за привычными словами «ленинградская блокада». Даже мы, прошедшие войну — один в белорусских партизанах, другой на Ленинградском фронте, — казалось, привычные ко всему, были не готовы к этим рассказам» — признаются авторы, пораженные горечью воспоминаний, которые они, сами того не ожидая, воскресили.

В одной из первых глав авторы рассказывают о секретной директиве Гитлера, по которой город планировали уничтожить

голодом: «Ленинград выжрет самого себя». Профессор Мюнхенского пищевого института профессор Цигельмайер установил дату, когда при существующем рационе вымрут все жители. После окончания блокады он изумлялся: «Как же вы выдержали! Это совершенно невозможно... Люди на таком пайке физически не могут жить. Я не понимаю, что за чудо произошло».

Город приспособлялся к нечеловеческим условиям. От снарядов во многих окнах вылетали стекла. Их забивали фанерой, даже новое слово появилось — «зафанерить» вместо «застеклить». На дрова разламывали паркетные полы, жгли книги и мебель.

Появился среди ленинградцев особый блокадный этикет. По воспоминаниям Владимира Дана, «разговоры о еде считались непристойными. Придя к кому-то в дом, люди делали вид, что совсем не голодны. Есть при постороннем человеке считалось дурным тоном».

В блокаду бывали разные случаи. Люди открывали себя и с лучшей, и с худшей стороны. Блокадная жизнь обнажала пороки людей, которые в мирной жизни маскировались красивыми словами и умением понравиться. Иногда на первый план выходило стремление выжить во что бы то ни стало, любой ценой, даже за счет ближнего. И тогда воровали карточки, вырывали кусок хлеба в булочной, мать могла выгнать из дома сына, потерявшего карточки. Страшнее голодной дистрофии в Ленинграде считалась дистрофия моральная — распад личности. Так появилось новое слово — «моральный дистрофик».

Но чаще было другое. «За молчаливостью, угрюмостью и неучтивостью вдруг открывалась такая готовность помочь, такая сила нежности, любви, сочувствия».

Когда первая часть была написана, они попытались напечатать книгу в Ленинградских журналах. Но рукопись вернули обратно. Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Григорий Романов, считавший, что страдания ленинградцев афишировать не нужно (лучше писать о подвигах), так и не позволил выпустить эту жесткую и страшную быль в Ленинграде. Тогда Гранин и Адамович поехали в Москву и решили обратиться в лучший журнал того времени «Новый мир». Номер с первой частью попал в цензуру, цензура сразу попросила всю рукопись и выдала **шестьдесят пять изъятий**, замечаний, требований. Пришлось с этим согласиться. Когда книга была напечатана в журнале, то вызвала, с одной стороны - возмущение историков партийных, они считали, что "разрушается героический образ Ленинградской эпопеи". С другой стороны - последовали сотни и сотни писем блокадников, которые посылали свои рассказы, чтобы дополнить, некоторые требовали большей правды, говорили о том, были вещи куда страшнее, и так далее.

И только в 1984 году «Лениздат» выпустил с многочисленными цензурными исправлениями и сокращениями труд Адамовича и Гранина. В 1994 году после второго инфаркта умер Алесь Адамович. Тогда вышло в свет последнее издание «Блокадной книги», сотысячным тиражом.

В январе 2013 года пятитысячным тиражом «Блокадная книга» была

переиздана. Ее дополнили несколько глава, фрагменты верстки журнала «Новый мир», перечеркнутые советскими цензорами, а также блокадные фотографии из Фонда Государственного музея истории Санкт-Петербурга и личного архива Даниила Гранина.

Моя медаль

...Осада длится, тяжкая осада,
Невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
Сегодня Родина вручает мне.
Не ради славы, почестей, награды
Я здесь жила и всё могла снести:
Медаль «За оборону Ленинграда»
Со мной, как память моего пути.
Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг сознёт меня печаль, —
Я до тебя тогда коснусь руками,
Медаль моя, солдатская медаль.
Я вспомню всё и выпрямлюсь, как надо,
Чтоб стать ещё упрямей и сильнее...
Взывай же чаще к памяти моей,
Медаль «За оборону Ленинграда».
...Война ещё идёт, ещё — осада.
И, как оружие новое в войне,
Сегодня Родина вручила мне
Медаль «За оборону Ленинграда».

Ольга Берггольц

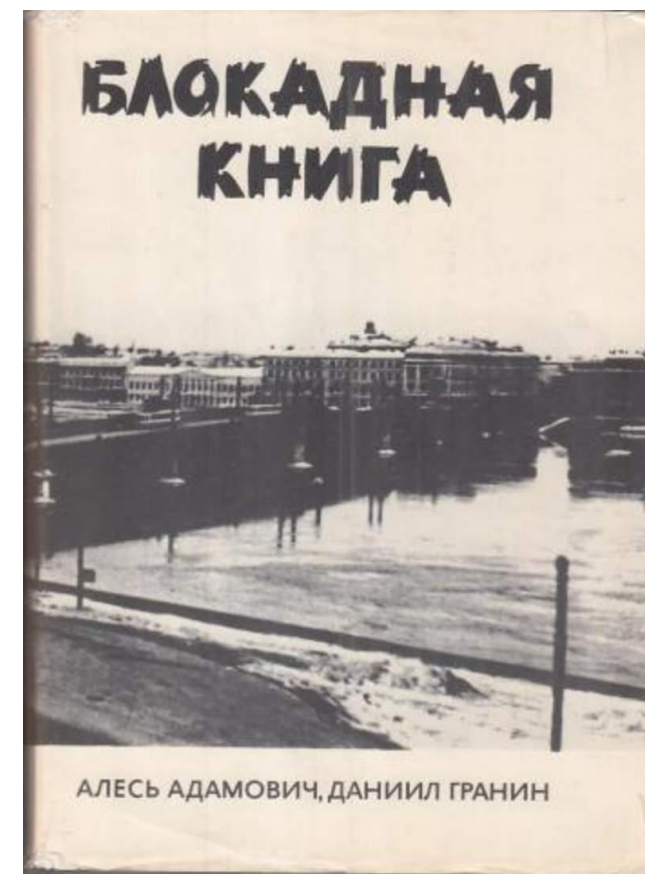
Составитель: Шакирова О.Б., зав. ОБР

Отдел библиографической работы

Даниил Гранин

Блокадная книга

Мясс

2019